

М. Б. Мирский

НЕМЕЦКИЕ МЕДИКИ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ (XV—XVII ВЕКА)

НИИ социальной гигиены, экономики и управления здравоохранением им. Н. А. Семашко РАМН, Москва

В средневековой Руси западноевропейские, в том числе немецкие врачи — доктора медицины, появились в XV веке. Эти медики, которых обычно приглашали как придворных врачей, приносили с собой не только свои знания и умение, но и свою культуру, богатый и разнообразный опыт, способствовали распространению различных новых теорий, взглядов, методов, что в конечном итоге содействовало повышению интеллектуально-потенциала, росту российской культуры, российской медицины.

Как свидетельствует древняя Софийская летопись, первым немецким медиком был Антон из Германии. К сожалению, его судьба оказалась трагической. "Того же лета (в 1483 г. — М. М.) врач некий Немчин Онтон приехал к велик.[ому] князю (царю Ивану III — М. М.), — писал древнерусский историк-летописец, — его же в велицей чести держа князь велики его, врача же князя Каракучу царевича Даньяра (он был гостем царя Ивана III — М. М.), да умори его смертным зелием за посмея; князь же велики выда его сыну Каракучеву, он же мучив хоте дати на окуп, князь же велики не повеле, но веле его убити; они же вельше его на реку на Москву под мост, зиме, да зарезаша его ножом, яко овцу"¹. Кстати, такой же стала судьба еще одного врача, тоже не сумевшего вылечить своего августейшего пациента (сына царя Ивана Молодого), — врача Леона из Венеции, казненного в 1490 г.

Вряд ли все это свидетельствовало о какой-то особой жестокости и кровожадности Ивана III. Трагические события, разыгравшиеся тогда при дворе русского царя, были отголоском точно таких же трагедий, происходивших в мрачные времена средневековья в Западной Европе. Например, вестготские законы, обнародованные королем Теодориком и действовавшие еще в XI веке, предусматривали, что "за вред от кровопускания, причиненный дворянину, полагалась пеня (штраф) в 100 solidi, в случае же смерти его, врач выдавался головой его родным, которые, следовательно, имели право делать с ним что угодно"². Таким образом, у случившегося в Москве были исторические прецеденты.

В общем, каковы времена, таковы и нравы. Времена были по-средневековому жестокими, нравы — немилосердными. Вряд ли кто-нибудь возьмется сейчас "оправдывать" те нравы, а тем более те времена.

Важно, однако, отметить небезынтересную деталь. Царь Иван III без раздумья предал смерти немецких врачей, которые не смогли сохранить жизнь его сыну Ивану Молодому и его гостю князю Каракуче. Но уже через каких-то четыре десятилетия, когда такие же немецкие врачи Николай Булев и Феофил вновь не смогли спасти жизнь другого сына Ивана III — царя Василия III и не подумали казнить или подвергнуть какому-то наказанию: в российском обществе созрело, очевидно, понимание ограниченных возможностей тогдашней медицины, несовершенства используемых ею методов лечения. Жаль, конечно, что такого понимания не было, когда решалась судьба врачей Антона, Леона, а также их коллег Ивана и Матвея Лукомских: эти польские врачи в 1493 г. были сожжены в железных клетках по подозрению в привозе ядов для отравы великого князя³.

Итак, в начале XVI века, как сообщает летопись, при дворе царя Василия III было два врача-немца — Николай Булев (Луев) и Феофил.

Николай Булев был родом из богатого немецкого города Любека. Известно, что он окончил университет в Падуе, был даже профессором медицины и астрологии (в то время — нередкое

сочетание). В Россию он приехал вместе с Юрием Делатором, послом императора Священной Римской империи, и остался здесь практиковать.

Правда, по другим данным, Николай Булев из Любека был ученым-медиком и ревностным католиком, сторонником церковной унии католической и православной церквей (экуменической идеи). Он был приглашен на Русь еще в 1489—1491 гг. и должен был помочь в составлении новых Пасхалий — таблиц, содержащих ключевые слова и круги, для нахождения времени пасхи и других подвижных праздников. Сначала Булев жил в Новгороде, а затем переехал в Москву: случилось это потому, что умный и образованный врач Булев понравился царю Василию III, который и сделал его своим придворным медиком.

Однако жизнь в России не пришлась Булеву, видимо, по нраву, и он написал домой о своем желании возвратиться в Германию. Письмо дошло до императора Максимилиана. Когда в 1519 г. в Москву приехал посол императора Ян Криштон, он при первом же свидании с боярами просил передать царю просьбу своего повелителя "о деле некоего Магистра Николая Любчанина, который некогда приехал в се страны с ... послом с Юрьем с Делатором ... чтоб Наяснейший Начальник взволил его отпустить, чтоб ему кости свои донести до своего родства"⁴.

Но Василий III не захотел отпускать своего врача, поэтому императорский посол при очередном свидании с боярами вновь повторил просьбу отпустить Николая Булева: "И послы о том в писание ответа просили, отпустит ли Князь Великий Николая? Да о том поговорил не мало, чтобы им тому ответ дали; и Федор (царский боярин Федор Карпов — М. М.) им то отговорил"⁵. Другими словами, переговоры о судьбе Николая окончились ничем, царское решение осталось неизменным. Врач Булев так и остался в Москве, где прожил до конца жизни.

Интересно, что Булев действительно пытался претворить в жизнь экуменическую идею. По свидетельству монахов Иосифо-Волоколамского монастыря, Булев написал письмо брату известного церковного деятеля Иосифа Волоцкого, в котором отстаивал идею единства веры и "приводил" истинное русское православие "к соединению латынскому"⁶. Известно также, что Булев был знаком с Максимом Греком — известным ученым-энциклопедистом и богословом, тоже воспитанником итальянского университета, жившим в то время в Москве. Николая Булева считали переводчиком с немецкого на русский (1534 г.) первой российской медицинской энциклопедии "Прохладный Вертоград", в которой были прямые ссылки на Гиппократ, Авиценну и других авторитетов медицины. Можно добавить, что "Прохладный Вертоград", который разошелся чуть ли не в сотне списков, долго использовался в России; был, в частности, учебной книгой в первой русской медицинской школе Аптекарьского приказа (XVII век).

Феофил, как и Николай Булев, тоже был родом из Любека, его знали в придворных кругах германских государств. Дитрих Шонберг, посланник Прусского магистра Альбрехта, который в феврале—марте 1517 г. вел переговоры с Василием III, однажды обратился к русскому царю с просьбой, как сказано в посольской книге, "туто ж бил челом великому князю от магистра о Феофиле о немчине, чтоб его пожаловал отпустил к магистру". Однако врач Феофил был, очевидно, тоже, как и Николай Булев, необходим Василию III, и тот не удовлетворил просьбу посланника: "Князь великий ему о Феофиле велел отгвечи: тот человек у нас лечит человека доброго, и нам его ныне отпустить непригож". Но, добавил русский царь, "а впредь аж даст Бог,

¹Софийская летопись. — Ч. II. — С. 235.

²К о в н е р С. История средневековой медицины. — Вып. 2. — С. 356. — Киев, 1897.

³З м е е в Л. Ф. Чтения по врачебной истории России. — СПб, 1896. — С. 147—148.

⁴Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. — Т. I. — С. 416. — СПб, 1851.

⁵Т а м же. — С. 424.

⁶З и м и н А. А. Россия на пороге нового времени. — М., 1972. — С. 356.

Феофила к магистру отпустим"⁷. Это обещание оказалось невыполненным — царь не хотел лишаться врача.

Когда через год Дитрих Шонберг снова приехал в Москву, он опять поднял вопрос о возвращении Феофила на родину, сказав об этом приближенным боярам. Как свидетельствует посольская книга, "о Феофиле брате бояре ему говорили от себя: о том немчине государю есмь еще того не сказали, а опытали есмь, что у него многие дети боярские на руках, лечит их, да и женился сказывают; а дасть Бог, о том попытаем". Домой врача так и не отпустили. "А немчина ему, Феофила брата, не отдали, а отговорили ему тем, что Феофилов брат женился"⁸.

Таким образом, оба врача, формально свободные люди, вынуждены были остаться работать в России, продолжали лечить (и не только взрослых) и пользовались уважением: Феофила, например, в 1537 г., по свидетельству Никоновской летописи, посылали для освидетельствования князя Андрея Ивановича Старицкого в Новгород, "и Феофил приехал сказал, что болезнь его легка; сказывает на стегне болячка, а лежит на постеле"⁹. Однако помочь самому царю Василию III, когда он заболел, эти врачи все-таки не смогли.

Начиная с середины XVI века, со времени царствования Ивана Грозного, и в течение последующих трех столетий иноземные доктора становятся постоянными медиками при дворе русских царей. В 1581 г. в России был создан Аптекарский приказ (своеобразное Министерство здравоохранения), который и руководил всеми придворными медиками. Правда, на первых порах этими медиками были главным образом англичане — Ральф Стэндиш и Ричард Рейнольдс, Арнульф Линдсей и Ричард Ригерт, Елисей Бомель и Роберт Якоби, Марк Ридли, Артемий Дий, Сэмюэл Коллинс. Впрочем, были среди этих докторов и иноземцы из других стран Европы, в том числе немцы¹⁰.

Так, в 1600 г. царь Борис Годунов выписал из Германии нескольких докторов медицины и аптекарей. Это подтверждал Конрад Буссов, который провел в России 10 лет и служил при царском дворе. Борис Годунов был умным и проницательным человеком, высоко ценил и приглашал к своему двору образованных людей, в том числе медиков; к медикам он благоволил еще и потому, что был раньше Аптечным боярином. Среди приглашенных им немецких медиков были Давид Фасмар и Генрих Шредер (оба из Любека), Иоганн Хильшениус (из Риги) и Каспар Фидлер (из Кенигсберга).

Новые придворные врачи призваны были прежде всего заботиться о здоровье царя (известно, что Борис Годунов страдал подагрой). "Царь держал их всех для того, чтобы они уваживали за его персоной, — свидетельствовал Конрад Буссов. Они не имели права лечить кого-либо другого, даже кого-либо из вельмож, если только тот не пойдет на поклон к его величеству и не испросит его позволения".

Услуги придворных медиков оплачивались достаточно высоко. По словам Конрада Буссова, "каждому было положено годовое жалованье 200 рублей и ежемесячные корма... Царь пожаловал каждому доктору пять хороших коней из своей конюшни, кроме того, каждый получил еще одного хорошего коня, чтобы летом каждое утро ездить верхом во дворец и в аптеку, одного коня особо для упряжки в сани зимой, затем двух лошадей для кареты жены, чтобы ездить ей на богослужение, затем одну рабочую лошадь — возить воду. Сверх того царь дал каждому большое поместье с 30 или 40 крестьянами. Да и уважение царь оказывал господам докторам такое и знатнейшим князьям и боярам... Итак, у господ докторов не было ни в чем недостатка при этом царе"¹¹.

Неудивительно, что, прослышав о таком, иностранные докторы и аптекари, в том числе немцы, охотно ехали служить в Россию, где их и в самом деле ждало большое жалованье и другие привилегии. Подтверждая это, еще один современник царя Бориса Годунова, пастор Мартин Бер, писал: "Каждому из придворных докторов отпускали ежемесячно знатное количество хлеба, 60 возов дров и бочку пива, ежедневно штоф водки, уксус и запас для стола, ежедневно три или четыре блюда с царской кухни. Государь давал им обыкновенно по пяти лошадей верховых и каретных. Всякому отводили деревню с тридцатью или более работниками. Когда царь принимал лекарство и когда оно хорошо действовало, то медиков дарили камнями, бархатами и соболями; дарили также за лечение бояр и сановников"¹².

⁷Сборник императорского Русского исторического общества. — Т. 53. — С. 23. — СПб, 1887.

⁸Там же. — С. 54—55.

⁹Никоновская летопись. — Ч. VII. — С. 14.

¹⁰Мирский М. Б. Медицина России XVI—XIX веков. — М., 1996. — С. 9—30.

¹¹Иностранцы о древней Москве. — М., 1991. — С. 188.

¹²Ханыков Л. В. Журнал Министерства внутренних дел. — 1851. — Ч. 33. — С. 349—350.

И позже, в середине и во второй половине XVII века, в Россию приезжали медики из Германии. Это были, например, Андрей Энгельгардт, Анц Вульф, Лаврентий Блюментрост и некоторые другие.

Одним из самых достойных среди немецких врачей был Лаврентий Алферович Блюментрост. Он родился в 1619 г. в саксонском городе Мюльгаузене в семье пастора и первоначальное образование получил в родном городе, а потом учился медицине в университетах Гельмштадта, Иены, Лейпцига. В 1648 г. в Лейпцигском университете Блюментрост защитил диссертацию "De scorbuto", затем возвратился в родной город, где стал штатд-физиком и ланд-физиком, а позднее лейб-медиком саксонского курфюрста. Благодаря большой врачебной практике он получил широкую известность. Кроме того, Лаврентий Блюментрост занимался и научными исследованиями, о чем свидетельствует его труд "Pharmascoroea domestica et postalis", опубликованный в 1668 г. Его пасынок, пастор Готфрид Грегори, жил в России и был близок к царскому двору. По его совету царь Алексей Михайлович, заботившийся о здоровье своих чад и домочадцев, пригласил доктора Лаврентия Блюментроста в Москву.

Запасшись на всякий случай еще и рекомендательным письмом саксонского курфюрста Иоганна Георга, Блюментрост в 1668 г. прибыл в Москву. Вскоре он был представлен Алексею Михайловичу и определен лейб-медиком царя на весьма хороших условиях, с большим жалованьем и постоянными царскими подарками. При царском дворе доктор Блюментрост быстро завоевал большой авторитет как знающий специалист; его ценили и преемники Царя Алексея Михайловича. Так, царевна Софья во время случившегося в 1682 г. стрелецкого бунта лично спасла ему жизнь¹³.

Почти половину своей жизни доктор Блюментрост провел в России, ставшей его второй родиной. Здесь у него родилось двое сыновей, которые впоследствии стали врачами, причем и Иван Лаврентьевич Блюментрост (будущий архиатр), и Лаврентий Лаврентьевич Блюментрост (первый президент Санкт-Петербургской Академии наук), сыграли важную роль в истории российской медицины.

Впрочем, можно утверждать, что жизнь доктора Блюментроста и других медиков была отнюдь не идиллической; случались различные коллизии и даже конфликты (разумеется, не с августейшими пациентами), которые так или иначе затрагивали его. Например, как свидетельствуют архивные документы, лекарь Николай Грек в 1674 г. сделал операцию стольнику Силе Потемкину "от килных болезни". Перед операцией лекарь Николай Грек "рядил с ним от лечения 60 рублей, и он же Николай его Силу вылечив и дал ему от лечения 20 рублей, а остальных денег не платит". Сила Потемкин объяснял отказ от уплаты остальных денег тем, что "он Николай меня, холопа твоего, не излечил — испортил, зделав с увечьем, и ядро, которое было припухло от лашадиного убою, и ему было Николаю по договору излечить не испортить, и он, то ядро вон вырезав и жилы обрезав, и меня, холопа твоего, тем испортил и исзувечил". Чтобы решить этот спор, велено было "аптекарского приказу дохтурам его досмотреть — впрямь ли его Силу лекарь Николай Грек от килных болезни вылечил". Доктора Розенбург, фон-Гаден, Блюментрост и другие выполнили приказание и, осмотрев пациента Потемкина, высказали собственное мнение о том, что: "лекарь Николай Грек его Силу от килных болезни вылечил тому три годы, и с тех мест и по се время он Сила в добром здоровье; да к тому досмотру дохтуры руки свои приложили". Результаты экспертной оценки не подлежали сомнению¹⁴.

Всех иноземных медиков (и англичан, и немцев) объединяло то, что они были дипломированными докторами медицины, прошедшими курс обучения на медицинских факультетах западноевропейских университетов. В соответствии с этим главным в их деятельности или, как сказали бы сейчас, их основной специальностью было лечение болезней различными консервативными средствами, преимущественно лекарствами, т. е., говоря по-современному, терапия.

Кроме того, до нас дошли имена некоторых зарубежных, в том числе немецких, хирургов, которые жили и работали в России в XVI—XVII веках. Это, например, лекари Матвей Кинфин, Елизарий Ролонт, Андрей Шниттер. Все эти лекари, как было принято в средневековой Европе, подчеркивали свою "хирургическую специализацию" и всячески избегали конкуренции с докторами. Например, когда в 1623 г. "дохтуры Артемий Дий да Валентин да лекарь Балсырь" были посланы в составе большой комиссии знатных лиц для освидетельствования внутренней болезни бывшей царской невесты девицы Марии Хлоповой, лекарь Балсырь, находившийся в этой комиссии, "сказал, что он

¹³Чистович Я. История первых медицинских школ в России. — СПб, 1883, приложения, с. ХСІ.

¹⁴РГАДА, ф. 143, оп. 2, д. 1078, л. 4.

мимо дохтура лечить не умеет, тое болезнь знают дохтуры... а он лекарь того незнает"¹⁵.

К сожалению, никаких сведений об оперативной деятельности иноземных, в том числе немецких, лекарей-хирургов, об их вкладе в российскую хирургию, в том числе об обучении молодых российских медиков, не сохранилось, хотя при приеме их на службу особо оговаривалось, что и лекари-хирурги, и доктора должны были "учеников русских учить со всяким прилежанием, чему сами горазды"¹⁶. Впрочем, в XVII веке общий уровень медицины и хирургии в России не намного отличался от стран Западной Европы.

Уже в начале XVII века во многих полках русской армии были войсковые лекари, занимавшиеся преимущественно хирургией, лечением ран и различных повреждений. Эти должности занимали как российские, так преимущественно и иностранные лекари, в том числе немцы. Например, полковой лекарь (имя его, к сожалению, неизвестно, но скорее всего он был немцем)

---

¹⁵Собрание государственных грамот и договоров. — М., 1822. — Ч. III. — № 63. — С. 259.

¹⁶Н. П. Загоскин. Врачи и врачебное дело в старинной России. — Казань, 1891. — С. 30—31.

встречается в штате иноземного полка, набранного в 1631 г. полковником Даммом в Германии¹⁷.

Деятельность иноземных медиков, в том числе медиков из германских государств, играла определенную роль в происшедшем в России процессе становления и развития на научных основах отечественной медицины. Начало этого процесса можно отнести к XVI веку, когда в Москве постоянно стали практиковать иноземные, преимущественно английские и немецкие, врачи, получившие образование в университетах Западной Европы. Этот процесс протекал на почве усвоения и переосмысления всего предшествующего опыта — и западноевропейского и своего российского, в том числе бесценного опыта народной медицины. Можно утверждать, что процесс этот в последующем, особенно в XVIII веке — веке Просвещения, шел на основе мировоззренческой общности и единства гуманистических устремлений всех российских врачей (и из природных россиян, и иноземцев) и их коллег в других странах Европы.

Поступила 05.11.02

---

¹⁷Кручек-Голубов В. С., Кульбин Н. И. Столетие военного министерства. — М. VII. — Ч. I. — СПб, 1902. — С. XXIII.